

АДАПТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЭВОЛЮЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

В.В. ВОЛЬЧИК

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

Т.А. ЗОТОВА

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
e-mail: tazotova@sfedu.ru

В статье предложена концепция адаптивной рациональности как характеристики экономического поведения, рассматриваемого в контексте эволюции институтов. Анализ важнейших подходов к рациональности в экономической теории позволил определить специфику адаптивной рациональности и ее проявления на различных уровнях экономического поведения. Адаптивная рациональность рассматривается в связи с формированием и идентификацией институтов. Такой подход направлен на выработку инструментов, способствующих более глубокому пониманию эволюционных процессов в рамках специфического хозяйственного порядка.

Ключевые слова: экономическое поведение; адаптивная рациональность; институциональная экономика; ограниченная рациональность; эволюция институтов.

The concept of adaptive rationality is proposed in this paper; it's considered in the context of economic behavior and institutional changes. The paper analyses theoretical approaches to rationality in economics and determines adaptive rationality occurrence on the different levels of economic behavior. Adaptive rationality is examined in connection with institutional formation and institutional identification. We suppose this approach to better understanding of the evolutionary process within economic institutional order.

Keywords: economic behavior; adaptive rationality; bounded rationality; institutional economics; evolutionary economics.

Коды классификатора JEL: B52, D03, B50.

1. Классические экономико-теоретические подходы к рациональному поведению

Рациональность в экономической теории является важнейшей предпосылкой неоклассического анализа и обычно ассоциируется с эгоистичным поведением, максимизацией. В обыденном сознании рациональность – синоним разумности и здравомыслия, но с точки зрения научного анализа данное понятие требует развернутой трактовки.

Так, в определении рациональности, данном Р. Швери, делается акцент на вычислительные возможности человека по ранжированию возможных альтернатив. Согласно Р. Швери, рациональность может быть определена следующим образом: субъект (1) никогда не выберет альтернативу X , если в то же самое время (2) ему доступна альтернатива Y , которая, с его точки зрения (3), предпочтительнее X [27]. Таким образом, выбор предпочтительной альтернативы связывается с субъективной оценкой и ранжированием. В экономической теории такой выбор обычно сводится к максимизации полезности, зависящей от количеств потребляемых благ или прибыли.

Рациональное поведение – поведение, направленное на принятие рациональных решений, которые в сложившихся условиях наилучшим образом отвечают жизненным потребностям индивида либо сообщества, организации. Согласно данному определению, индивидуальные решения, продиктованные врожденными инстинктами, восприятием поведения окружающих, опытом самого индивида, закрепленного в его привычках и навыках, можно считать рациональными. В то же время, инстинкт творчества и логическое мышление позволяют вырваться за рамки привычного поведения. Экономическое поведение в целом рационально, но это не означает, что оно полностью осознанно, расчетливо, направлено на оптимизацию, а лишь указывает на практическую приемлемость такого поведения и его соответствие достижимому в данных условиях уровню удовлетворения потребностей.

Согласно Клейнеру, под рациональностью понимается способность сознательно и последовательно разрабатывать оптимальные программы действий в соответствии с имеющейся информацией [14, с. 51-59]. Следует отметить, что автор концентрируется именно на тех особенностях экономических акторов, которые оказывают наиболее существенное влияние на процесс институциональных изменений, в частности, отмечает психологические факторы эволюции институтов. При построении теории органической иррациональности исследуются причины и последствия отклонения большинства субъектов от принципов рациональности. Кроме ментальных особенностей индивидов, значительную роль играют культурные особенности социально-экономического развития страны. Человеку, видимо, генетически свойственно переменчивое целеполагание, при котором постоянно сохраняется пространство для нового выбора цели и способов ее достижения. Ограничителями такой природной переменчивости являются культурные и институциональные факторы.

Экономические действия не всегда связаны с эгоистическим поведением. Как показал Г. Саймон, в эволюционной перспективе принятие предпосылки альтруистического поведения индивидами и группами приводит к преимуществу по сравнению с предпосылкой эгоистической максимизации [36]. Альтруизм есть не что иное, как адаптивная реакция индивидов, ассоциирующих свои интересы с интересами группы или иного коллектива.

При ограниченной рациональности с учетом познавательных возможностей индивида и влияния институтов, все равно происходит процесс выбора наилучшей альтернативы без учета реакции среды на осуществляемый выбор. Однако выборы индивидов неизбежно связаны с реакцией как непосредственно других индивидов, так и опосредованно с изменениями в организационных и институциональных условиях, которые явились результатом их прошлых действий.

При исследовании адаптации индивида к изменяющейся среде мы должны учитывать, что система станет саморазрушаться в случае, если все индивиды будут выбирать схожие модели поведения (например, покупать или продавать, давать взятку или не давать). Для того чтобы адаптивная система работала, прогнозы и модели должны выполняться только в какой-то (не поддающейся точной оценке вследствие фундаментальной неопределенности) части. И здесь решающую роль будут играть знания и умения принимающих решения индивидов и их возможность использовать релевантные паттерны, правила и институты для индуктивного моделирования конкретной ситуации или принятия решения об экономическом действии.

Поведение человека обусловлено множеством факторов, которые могут быть сведены к двум группам: экзогенные и эндогенные. Причем, последние вряд ли могут быть сколь-нибудь релевантно представлены в количественной форме. Социальные науки и экономика, в частности, в течение последних пятидесяти лет совершили значительный рывок в плане построения сложных дедуктивных моделей человеческого поведения. Сложность моделей экономического поведения прямо пропорциональна отрыву от реальности в социальных науках [26].

Одним из направлений, которое позволяет вернуться к реалистичному описанию не только экономического поведения, но и институциональных контекстов, является конструктивистская (интерпретативная) институциональная экономическая теория [12, 13].

Конструктивизм — это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, которые подчеркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины [22].

В экономической теории конструктивистская методология используется для идентификации релевантных в данном месте, в данное время и в данных группах институтов. Так как правила и

нормы поведения неразрывно связаны с языком, на котором они формулируются, их необходимо исследовать в контексте существующих дискурсов основных акторов.

2. Адаптивная рациональность: концептуальные рамки

В эволюционной перспективе поведение акторов связано с адаптацией к существующим институциональным условиям, которые формируют пространство возможных действий, а также влияют на обучение и формирование поведенческих паттернов. В контексте эволюционного подхода мы предлагаем использовать предпосылку адаптивной рациональности как наиболее подходящую для анализа поведения в условиях качественной институциональной динамики.

Адаптивная рациональность проявляется в том, что индивиды склонны к вариативному стратегическому действию в зависимости от существующих институтов, определяющих возможности и особенности получения и интерпретации информации. При формировании поведенческих стратегий индивиды следуют двум основным правилам: «следование большинству» и «следование меньшинству». То есть, при выборе варианта поведения акторами принимается во внимание влияние их выбора на регулярность взаимодействий в рамках существующей институциональной среды. Выбор будет зависеть от индивидуальной интерпретации доступной информации через призму существующих институтов. Проиллюстрировать данные правила можно с использованием модели посещения бара Б. Артура [3], в которой анализируется проблема выбора варианта поведения в зависимости от оценки вероятности выбора других участников.

Адаптивная рациональность предполагает следование определенным образцам поведения, которые доступны и понятны для акторов. Акторы, интерпретируя существующие правила, определяют для себя индивидуальные поведенческие паттерны. Здесь необходимо отметить, что сами социальные и экономические обмены создают неявное знание, которое впоследствии закрепляется в доминирующих институтах.

Понятие «адаптивной рациональности» по своему смыслу близко «ограниченной рациональности» [30]. Оба понятия основываются на понимании важности фундаментальной неопределенности при анализе экономического поведения. Главное отличие модели адаптивной рациональности от модели ограниченной рациональности в том, что адаптивная рациональность не предполагает даже стремления к выбору лучшего варианта, так как такой вариант не может быть определен вне зависимости от других социальных или экономических обменов. Таким образом, адаптивная рациональность — это рациональность, основанная на интерпретации институтов в контексте рассеянного среди акторов неявного знания [5, 11]. Моделирование адаптивной рациональности требует изучения дискурса основных акторов для выявления релевантных правил, используемых при конструировании социальной реальности [4, 19, 22], что позволит не только идентифицировать правила и институты, но и определить закономерности их эволюции.

Переменчивое целеполагание является одной из иллюстраций адаптивной рациональности экономических акторов. Поскольку изменения в целеполагании связаны как с эндогенными, так и экзогенными факторами, предсказать *ex ante*, какая ценностная установка будет доминировать в следующий момент времени, представляется логически невозможным для стороннего наблюдателя. Однако можно выделить классы паттернов, правил и институтов, которые доступны акторам в конкретной специфической институциональной организации хозяйственного порядка.

Роль институтов в понимании предпосылки адаптивной рациональности во многом схожа с их ролью в преобразующей нисходящей причинной связи [32], используемой в рамках традиционного (старого) институционализма. Нисходящая причинная связь проявляется в том, что существующие в данное время и в данном месте институты формируют специфические поведенческие паттерны у акторов, включенных в действие данной институциональной среды. Индивиды не только следуют правилам, содержащимся в институтах, но и получают релевантную для себя информацию для принятия решений тоже благодаря имеющейся институциональной среде.

Индивиды не только сопоставляют издержки следования правилам с издержками их нарушения, но, что более важно, получают релевантную информацию, в том числе о возможных и приемлемых вариантах действия благодаря институционализации в рамках того или иного хозяйственного порядка. Однако действия индивидов являются одним из факторов, трансформирующих социальную реальность.

В сложных адаптивных системах сама социальная (институционализируемая) реальность является результатом приспособления акторов к меняющимся условиям принятия решений. Причем

сам факт принятия того или иного решения вступить в экономические или социальные обмены является одной из предпосылок изменения поведенческих паттернов, используемых *ad hoc*.

Поэтому можно прийти к выводу о том, что разнообразие поведенческих паттернов является, с одной стороны, фактором, усиливающим неопределенность при принятии решений, а с другой, способствует устойчивости системы от воздействий внешних шоков. Это выражается в действиях индивидов, следующих стратегиям, которые не предполагают слишком большого процента невыполняющихся прогнозов, что приводит к схлопыванию рынков и свертыванию экономических и социальных обменов (например, паника на финансовых рынках, системный экономический кризис, ловушка бедности).

Значительная часть современных экономистов, принадлежащих к различным экономическим школам, согласны с тем, что ограниченная рациональность и фундаментальная неопределенность являются источниками транзакционных издержек, а следовательно, и моделей экономической организации [33]. Представители мейнстрима рассматривают ограниченную рациональность с позиций количественных исследований и формальных моделей. Напротив, представители неортодоксальных школ делают акцент на качественных исследованиях институтов, рутин и правил, которые способствуют снижению неопределенности. Предпосылка ограниченной рациональности, в ее модифицированной форме — адаптивной рациональности, позволяет лучше понять особенности и закономерности эволюции институтов. Это, в свою очередь, расширяет сферу практического применения институционального анализа экономического поведения, включенного в культурный, социальный, психологический, политический контекст. Импорт и выращивание институтов могут и должны основываться на эвристическом потенциале адаптивной рациональности.

3. Идентификация институтов

Рассматривая адаптивную рациональность, необходимо учитывать, что формирование и интерпретация правил происходит в рамках дискурсов, связанных с языком, который используют акторы для социальных и экономических взаимодействий [30].

Выявление релевантных правил должно сопровождаться исследованиями историй, рассказываемых акторами, чтобы определить, какие механизмы реализации правил используют акторы исходя из их понимания нормативного аспекта, существующих институтов [11, 12]. Более того, интерпретация акторами правил также может быть связана с их адаптацией к существующим имплицитным или эксплицитным соглашениям, принятым в той или иной группе или специфическом хозяйственном порядке.

Классический подход к экономическому поведению, предполагающий осознанное следование индивидов собственным интересам, не рассматривает возможность неэкономической мотивации, нерациональных действий, осуществляемых под влиянием заблуждений. Одно из достижений современной поведенческой экономики – в изучении систематических закономерностей иррационального поведения как на микроуровне, так и в масштабах рынков и государств, например, при выработке макроэкономической политики. Так, иррациональное начало, «*spiritus animalis*», в работе Дж. Акерлофа и Р. Шиллера используется для обозначения всего неупорядоченного и нелогичного в экономике и одновременно характеризует то, как мы ведем себя в неоднозначных или неопределенных условиях [2, с. 26]. Представления о том, что экономические кризисы вызваны во многом особенностями мышления, изменениями в установках и стереотипах, противоречат общепринятым экономическим теориям. Однако социально-психологические причины нестабильности на рынках финансов и недвижимости со всей остротой проявили себя в конце первого десятилетия XXI в. Иррациональное поведение, основанное на эмоциях и иллюзорном восприятии действительности, охватившее население целых стран, стало невозможно не учитывать в экономической теории. Особое значение для наиболее полного рассмотрения иррациональности в принятии решений имеют уровень доверия в экономических системах, представления о справедливости и недобросовестности, денежные иллюзии и конкретный опыт индивидов в контексте более общих «историй», отражающих реальные хозяйственные отношения.

«Иррациональное поведение» индивидов во многом является адаптивной реакцией на существование фундаментальной неопределенности [1]. Мнения, которые отражаются в историях, рассказываемых акторами в процессе социальных взаимодействий, формируются на основе индивидуальной идентификации с социальными ролями, статусами и институтами, которые определяют привычные или одобряемые обществом модели поведения [20]. Идентификация в институцио-

нальных координатах представляет собой действие, направленное на снижение фундаментальной неопределенности в понимании Ф. Найта [15].

Если понимать под фундаментальной неопределенностью ситуацию, когда нужная для принятия решения информация еще не создана [21], то адаптивная рациональность предполагает, что индивиды, выбирающие модели поведения исходя из собственного понимания существующего положения дел, используют созданное в прошлом неявное знание для получения релевантной для них информации в контексте текущих взаимодействий.

Неявное знание в данном контексте рассматривается как результат социальных и экономических обменов, что близко к трактовке австрийской школы. Преимущество неявного знания при координации экономической деятельности заключается в том, что благодаря ему множество рассеянного в экономической системе индивидуального знания используется для формирования институциональной организации хозяйственного порядка [10].

При анализе экономического поведения в контексте влияния институциональных ограничений на выборы стратегий в современной экономической теории активно используется теория игр. Теория игр служит явной аналитической основой, позволяющей исследователям дедуктивно ограничить набор (рациональных) мнений, отразив ожидания людей относительно действий, что другие совершат в различных непредвиденных обстоятельствах. Так как общепринятые мнения обычно широко известны, когда игроки совершают свой лучший ответ на эти мнения, набор допустимых мнений ограничен теми, что самоподкреплены. Следовательно, это определенное подмножество мнений может быть формализовано как ряд распределений вероятности по комбинации стратегии равновесия. Каждое распределение вероятности отражает ожидания игрока относительно действий, которые будут приняты или отклонены в ходе игры [31]. Однако общепринятые мнения об институтах, а также интерпретация институциональных ограничений не являются явными и данными экзогенно. Теория игр показывает возможные варианты действий в случаях, когда правила и институты заданы. В реальной эволюционирующей системе сами действия акторов создают неявное знание, которое впоследствии отражается в формирующихся институтах.

Вероятность выборов при адаптации к существующим институциональным условиям не может быть оценена акторами с использованием дедуктивных моделей. Но попадая в мир индукции, мы не должны забывать важность интерпретации правил в контексте влияния правильных прогнозов на адаптацию системы к имеющимся институтам. Если существующие когнитивные и поведенческие модели позволяют системе стабильно существовать, несмотря на сравнительно низкую эффективность использования ресурсов, то проблема экономического развития должна рассматриваться через призму эндогенных институциональных изменений и действий групп специальных интересов.

Анализ адаптивной рациональности состоит в выявлении закономерностей индуктивного мышления в сложных системах [3, 29] в контексте взаимодействия акторов между собой и влияния на такие взаимодействия существующих институтов. Таким образом, первоначальная задача исследователя заключается в определении основных акторов и соотношении их с группами интересов, в случае, если акторы включены в явные группы интересов.

Формирование и изменения институтов связаны с действиями групп специальных интересов. Как показал М. Олсон, группы интересов могут преследовать как специальные, узкогрупповые цели, направленные на перераспределение, так и всеохватывающие, отражающие интересы всего общества в целом [34]. Координация внутри групп интересов осуществляется на основании консенсуса по поводу взаимодействий по производству коллективного блага. Институты, которые внедряют группы специальных интересов, также выступают частным случаем коллективных благ по отношению к группе.

Действия групп специальных интересов как институциональных инноваторов тоже могут быть рассмотрены через призму адаптивной рациональности. Внедрение институциональной инновации не только изменяет распределение ренты в обществе, но также в среднесрочном и долгосрочном периодах приводит к изменению роли групп интересов в рамках хозяйственного порядка. В краткосрочном периоде группы реагируют на размер ренты, к которой приводит институциональная инновация. Другие акторы, включенные в действие внедряемого института, будут совершать действия, которые будут направлены на следование или уклонение от действия норм, содержащихся в институтах.

В эволюционной перспективе группы специальных интересов проходят отбор, в результате которого создаются или разрушаются группы интересов, включенные в действие того или иного института [6].

Процесс идентификации релевантных институтов должен дополняться выявлением групп интересов, которые включены в его действие или являются институциональными инноваторами, его внедрившими. Индивиды, которые преследуют свои интересы посредством формирования групп, попадают в ситуацию, когда они вынуждены выбирать стратегии, которые позволяют им адаптироваться как к существующим, так и меняющимся условиям. Необходимо отметить, что адаптивное поведение акторов, включенных в группы специальных интересов, может носить характер как эгоистического по отношению к индивидуальным ценностям, так и альтруистического по отношению к ценностям группы, с которой они себя идентифицируют. В процессе социальной эволюции происходят не только отбор, но и «мутации» институциональной организации хозяйственного порядка, когда институты и правила, не меняя своего титульного названия, начинают выполнять несвойственные им первоначальные функции, что является нейтральной адаптационной реакцией в форме экзаптации институтов [7].

Дальнейшей задачей является идентификация релевантных для акторов институтов. Релевантность институтов может быть определена только через исследование дискурсов или историй, которые рассказывают акторы. Важно учитывать, что одни и те же формальные и неформальные институты могут получать различные интерпретации, в зависимости от культурных, гендерных, ситуативных и других факторов.

Идентификация институтов, как уже отмечалось, позволяет обозначить множество вариантов для адаптивных стратегических действий акторов. Важно понимать, что множество возможных вариантов действий, которые задаются институтами, не предполагает выбора обязательно оптимального результата. Поведение в рамках предпосылки адаптивной рациональности может носить характер иррационального, альтруистического [36], но не исключает использования к случаю иных поведенческих моделей, включая сильную форму рациональности – максимизацию.

Важным аспектом исследования институтов является также выявление исторических контекстов и закономерностей их эволюции. Для решения этой задачи необходимо исследование письменных исторических документов, включая нормативные акты, тексты современников, отражающие понимание существующей институциональной организации хозяйственного порядка. Нельзя недооценивать также роль количественных исторических данных, необходимых для иллюстрации влияния институтов на сферы и результаты экономической деятельности современников.

Идентификация институтов должна основываться на четком представлении об основных механизмах социальных и экономических обменов, существующих на рынке или в рамках организации [25]. После выделения основных механизмов социальных и экономических обменов необходимо четко определить состав и степень включенности в рассматриваемые отношения основных акторов.

Акторы, исследуемые для идентификации правил и институтов, могут реагировать, при этом изменяя или корректируя свое поведение, на сам факт присутствия исследователя в рамках исследуемой хозяйственной организации или административной регулирующей структуры. В этом случае мы сталкиваемся с адаптацией акторов к ситуации вмешательства исследователя в структуру исследуемых отношений.

Информация о существующих релевантных правилах и институтах может быть получена не только из анализов транскриптов интервью. Не менее важным источником могут служить истории, рассказываемые основными акторами в виде исторических и литературных произведений, мемуаров, воспоминаний. Более того, названные источники могут помочь увидеть рассматриваемую проблему в исторической перспективе.

Исторические качественные и количественные данные имеют большое значение в ходе исследования институциональной организации хозяйственного порядка в контексте адаптивной рациональности. Идентифицированные релевантные институты в различных исторических временных интервалах могут быть рассмотрены в рамках компаративистского анализа эффективности институтов. Компаративистский анализ институциональной организации во времени и пространстве — между различными хозяйственными порядками — имеет важное значение для формирования понимания возможности (невозможности) изменения институтов в существующих институциональных и ресурсных ограничениях конкретного хозяйственного порядка.

4. Уровни анализа экономического поведения

Роль исследователя адаптивной рациональности как поведенческой предпосылки заключается в идентификации институтов в связи с выявлением альтернативных вариантов действий и их самоусиления (самоослабления) в результате эволюции адаптивно-сложных систем, к которым, несомненно, относится экономика на различных уровнях институциональной организации.

Уровни институциональной организации хозяйственного порядка предполагают, что принятие решений на различных уровнях будет ориентировано на адаптацию к институтам, которые могут быть комплементарными или некомплементарными. Некомплементарность институтов требует формирования смешанных стратегий для возможности осуществлять экономическую деятельность, например, в условиях противоречия формальных и неформальных институтов. Принимая решения, индивид не только делает выбор следовать той или иной норме с учетом издержек уклонения или следования той или иной норме, но также учитывает, как решения других агентов повлияют на значимость тех или иных вариантов поведения, которые доступны в конкретных исторических и институциональных условиях.

Поведенческая предпосылка адаптивной рациональности необходима для понимания процессов формирования институциональной среды и ее эволюции. Принимая значимость адаптивной рациональности для объяснения экономического поведения в условиях институциональной динамики, необходимо выявить релевантные на данных уровнях взаимодействий институты, определить пространства возможностей для действий хозяйствующих субъектов и соотнести возможные варианты действий акторов с реакцией на эти действия со стороны социального окружения.

На этапе выявления релевантных институтов необходимо четко определить системные уровни, на которых институты создают соответственно институциональный порядок, институциональную среду и институциональную структуру [9]. Институты должны рассматриваться через призму комплементарности и совместимости с вектором развития того или иного хозяйственного порядка.

На макроуровне адаптивная рациональность связана с действиями лиц, разрабатывающих и реализующих меры экономической политики, с одной стороны, и акторов, попадающих под эти меры регулирования, с другой. Рациональные ожидания могут быть признаны простейшей адаптивной реакцией индивидов, но при отсутствии релевантных ограничений со стороны институциональной организации экономики.

Институциональная организация экономики характеризуется несколькими уровнями институциональной иерархии, с которыми сталкиваются акторы в процессе принятия решения. Но институты вследствие своей инертности [17] и разнородности изменяются разными темпами в зависимости от действий институциональных инноваторов.

Важным условием для стабильности хозяйственного порядка является релевантная экономическая политика, которая учитывает существующие ограничения институционального характера в контексте действий акторов, адаптирующих свое поведение в соответствии с их пониманием ответственности внедряемых механизмов регулирования.

Адаптивно рациональные акторы могут восприниматься независимыми наблюдателями как действующие иррационально. Но иррациональность поведения может детерминироваться существующими неэффективными или субоптимальными институтами, которые не позволяют акторам эффективно использовать неявное или рассеянное знание, использовать и реализовывать преимущества рыночной экономической координации.

Современные эффективные хозяйственные порядки близки по своей организации к порядкам с открытым доступом. Норт, Уоллис и Вайнгаст в контексте интерпретации истории развития человечества отмечают: «В отличие от естественного государства, которое активно манипулирует интересами элит и неэлит с целью поддержания социального порядка, порядок открытого доступа позволяет индивидам преследовать собственные интересы посредством создания всевозможных организаций» [16, с. 422].

Создавая организации, индивиды создают внутренние правила или рутины, которые позволяют им использовать преимущества транзакций управления перед сделками на открытых рынках. Но взаимодействия внутри организаций не ограничиваются отношениями «начальник – подчиненный». Приспосабливаясь к развитию организации, акторы влияют на формирование внутренних институтов и правил. Мы не можем получить релевантное представление о поведении индивидов внутри организации, если не принимать в расчет институциональную структуру, которая в ней существует. Выявленные институты, правила, рутины позволяют выявить варианты поведения, которые, в свою очередь, могут как усиливаться, так и ослабляться, в зависимости от выбираемых акторами стратегий поведения.

Внутриорганизационное поведение может анализироваться в контексте адаптивной рациональности. Адаптация в организации осуществляется через реализацию транзакций управления. Те транзакции, которые будут закрепляться в институциональной структуре организации как обычные или принятые, будут формировать пространство возможностей, в рамках которых индивиды могут совершать выборы, являющиеся с позиций совершенной рациональности иррациональными.

На уровне организации адаптивная рациональность связана с взаимодействием акторов, прежде всего, с внутренними институтами, обеспечивающими транзакции управления. Инновации в управлении, которые отражены в системах и моделях регулирования, являются не более чем частным случаем адаптации акторов к задаче управления организацией.

Эволюция организаций связана, прежде всего, с формированием структуры правил, рутин, институтов, технологий и статусов. В рамках фирмы поведение индивидов можно рассматривать через призму различных поведенческих предпосылок: ограниченной рациональности, оппортунизма, послушания или органической рациональности. Однако применение поведенческой предпосылки адаптивной рациональности позволяет акцентировать внимание на эволюционной динамике.

Акторы, выбирая ту или иную стратегию внутрифирменного поведения, могут как ассоциировать свои цели с целями организации, так и нет. Но акторы неизбежно сталкиваются с реакцией на принятые решения со стороны внутрифирменных структур и других акторов. И здесь важна интерпретация акторами существующих правил и институтов. Пространство возможных вариантов действий может делать предпочтительными варианты поведения, ведущие как к максимизации, так и к альтруистическому поведению. Поэтому идентификация институтов представляет одну из фундаментальных особенностей подхода, основанного на предпосылке адаптивной рациональности.

Неоднородность институциональной организации хозяйственного порядка предполагает существование различных подходов, методов и приемов, позволяющих выделить релевантные институты на микро-, мезо-, макро- и глобальных уровнях институциональной организации. Но независимо от уровня, настоящий подход к исследованию экономического поведения основывается на предпосылке, что мы изучаем адаптивно-сложную эволюционирующую открытую систему, тем самым находясь в русле преимущественно индуктивных методов.

5. Социальный капитал и формирование институтов, определяющих возможности экономического поведения

Дедуктивные модели экономического поведения, которые составляют основу мейнстримовского варианта современной экономической теории, отражают стандартный позитивистский подход к определению значимости разрабатываемых теорий. Такой подход основывается на тезисе М. Фридмана о прогностической силе экономической науки: «...Задачей является создание системы обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает» [23, с. 21].

Если рассматривать экономические системы как эволюционирующие и адаптивно сложные, можно прийти к выводу, что представители мейнстрима переоценивают прогностическую силу дедуктивных моделей, основанных на поведении человека, направленном на максимизацию своей целевой функции пусть даже с учетом институциональных ограничений. Как показал Б. Артур, «...в интерактивных, сложных ситуациях агенты не могут полагаться на пример поведения других агентов, - то есть поступать подобно тому, как они действуют при совершенной рациональности. В такой ситуации они вынуждены отгадывать это поведение. Данное обстоятельство помещает их в мир субъективных мнений, а также субъективных мнений по поводу субъективных мнений. Объективные, четко определенные, общие для всех предпосылки здесь уже применяться не могут. Но не может применяться и рациональное, дедуктивное мышление, выводящее заключения посредством совершенных логических процессов из четко определенных исходных посылок» [3].

Исследования «субъективных мнений по поводу субъективных мнений» должны опираться на индуктивные модели, которые базируются на понимании институциональной обусловленности множества вариантов выбора стратегий поведения акторов. Однако институты также не являются объективно данными сущностями. Они подвержены интерпретации со стороны акторов, которые могут в результате своего видения или понимания правила влиять на его изменение в процессе использования для структурирования повторяющихся взаимодействий в хозяйственной практике.

Важную роль в понимании предпосылки адаптивной рациональности в контексте формирования и изменения институтов играет феномен социального капитала. Социальный капитал — это, прежде всего, те социальные связи, которые основаны на доверии и солидарности, позволяющие использовать прошлый опыт социальных и экономических взаимодействий для снижения неопределенности в новых транзакциях. Особенности социального капитала влияют на формирование институционального окружения акторов.

Социальный капитал является важным аспектом при исследовании экономического поведения в рамках концепции адаптивной рациональности. Социальный капитал, представляя собой воспроизводимые социальные связи, также влияет на доступность вариантов выборов. Социальный капитал имеет более ограниченный период действия по сравнению с институтами. Передача информации, необходимой для принятия решений, таким образом, осуществляется посредством существующих институтов, социального капитала и неявного знания, доступного акторам.

В контексте данного подхода к анализу экономического поведения ограниченная рациональность существенно отличается от адаптивной рациональности. Основные отличия связаны с ролью институтов и целевыми установками акторов. Если в рамках ограниченной рациональности акторы стремятся максимизировать свою полезность с учетом познавательных и институциональных ограничений, то адаптивная рациональность принципиально не предполагает максимизации той или иной функции акторами. Акторы, принимающие решение в зависимости от институтов, социального капитала и доступного неявного знания, учитывают поведение других акторов.

Согласно У. Виту, эволюцию можно определить как самотрансформацию изучаемой системы в течение времени [38]. Поэтому в рамках эволюционной школы в экономической теории предпосылка адаптивной рациональности акцентирует внимание на самотрансформации системы и адаптации акторов к изменениям. Поэтому исследования должны концентрироваться на существующих институциональных факторах, которые формируют пространство возможностей для экономических и социальных обменов. Разработка мер экономической политики также должна основываться на:

- ✓ во-первых, релевантном представлении о существующих формальных и неформальных институтах;
- ✓ во-вторых, адаптивных потенциальных стратегиях акторов с учетом пространства возможностей, заданных институтами.

Моделирование экономического поведения не должно напоминать составление плана или самовыполняющихся прогнозов. Если мы принимаем предположения о важности институтов и сложности в контексте изучения эволюции хозяйственного порядка, то моделирование поведения человека состоит в создании «карты» возможностей. Маршруты на такой карте выбирают сами акторы, ориентируясь на свое понимание и видение возможных вариантов действий.

Исследования экономического поведения в эволюционной перспективе необходимы не для создания траекторий эволюции хозяйственной системы в направлении оптимального использования ресурсов, а для разработки когнитивных инструментов, необходимых для понимания процессов адаптации стратегий акторов в имеющихся координатах институтов, социального капитала и неявного знания.

Фундаментальная неопределенность является оборотной стороной конкурентного процесса. Конкуренция значима потому, что ее результаты невозможно предсказать заранее [24]. Но если события еще не наступили, то мы неизбежно попадаем в ситуации неустранимой фундаментальной неопределенности. Однако прошлые исследования закономерностей эволюции институциональной организации хозяйственного порядка могут служить важным источником информации как для акторов, непосредственно являющихся субъектами хозяйственных процессов, так и для регуляторов, проводящих меры экономической политики и тем самым создающих новые правила и институты. Поэтому институциональный мониторинг должен лежать в основе изучения эволюции институциональной организации экономики, а также исследованиях экономического поведения в контексте предпосылки адаптивной рациональности.

Эмпирические исследования экономического поведения должны учитывать два важных момента. Во-первых, действия акторов надо соотносить с психологическими закономерностями принятия решений. Психические особенности восприятия и интерпретации информации могут приводить к психологическим искажениям при принятии хозяйственных решений. Д. Канеман и А. Тверски доказали, что принятие решений в условиях неопределенности должно основываться на учете психологических факторов [37]. Например, «неправильные представления о регрессии» (как проявление регресса к среднему), «иллюзия валидности» и «иллюзорная взаимосвязь» могут приводить к нерелевантной оценке обществом тех стимулов, которые дает частная (индивидуализированная собственность) в условиях современной экономики, где большая роль принадлежит государственному регулированию хозяйственных процессов [8]. Во-вторых, для определения релевантных правил и институтов, которыми руководствуются индивиды, необходимо исследовать дискурсы, истории, нарративы в контексте исторических и культурных процессов, происходящих в обществе в исследуемые промежутки времени. Поведенческие особенности обладают свойством

контекстуальной привязанности, что не снижает их значимости для качественных и нормативных оценок эффективности внутрифирменной организации и рыночного процесса как частей единого эволюционирующего социального организма.

Институты задают ограничения и создают стимулы для акторов. Однако важно учитывать, что институты формируют познавательные и информационные условия для осуществления процесса выбора и ранжирования альтернатив. Действия экономических акторов могут рассматриваться через призму как рационального, так и иррационального поведения [2]. Иррациональные действия акторов также могут *ex post* получать вполне рациональное объяснение с учетом институционального окружения, которое современники не принимали во внимание. Например, традиционно рассматривают движение луддитов в конце девятнадцатого века как (главным образом) иррациональную атаку на машинное производство и технологию. Вместо этого, Андерсон и Толлисон [28] утверждают, что разрушение капитала было рациональной целью тех, кто хотел поддержать трикотажный картель [35].

Анализ экономического поведения необходимо проводить с учетом *ax ante* и *ex post* институциональных факторов. Интерпретация поведения *ex post* будет явно или неявно включать институциональные факторы, которые по тем или иным причинам не учитывались акторами, вступающими в экономические и социальные обмены в конкретных временных и исторических координатах.

Таким образом, исследования экономического поведения сквозь призму предпосылки об адаптивной рациональности имеют ярко выраженную контекстную форму. Выявление и описание правил, институтов и социального капитала позволяет выявить, пусть и не всеобщие (как в случае естественнонаучных законов), закономерности экономических и социальных действий на конкретной стадии хозяйственной эволюции общества, что позволяет в дальнейшем тестировать и исследовать новые взаимодействия, основываясь на достигнутых научных результатах. Данный подход к анализу экономического поведения будет успешным, если нам удастся выявить подобные закономерности институциональной организации и принятия решений на других пространственных и временных примерах социальных и экономических взаимодействий.

Подход, основанный на анализе экономического поведения с позиций адаптивной рациональности, больше ориентирован на разработку инструментов, способствующих более глубокому пониманию институциональных контекстов и эволюционных процессов в рамках специфического хозяйственного порядка. Релевантное понимание процессов и знание траектории эволюции институциональной организации хозяйственного порядка может служить основой для разработки эффективных мер регулирования с учетом действий групп специальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акерлоф Дж., Крэнтон Р. Экономика идентичности. М.: Карьера Пресс, 2011.
2. Акерлоф, Дж. Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Пер. с англ. М.: Юнайтед Пресс, 2010.
3. Артур Б. Индуктивное мышление и ограниченная рациональность // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
5. Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 2.
6. Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 2.
7. Вольчик В.В. Эволюция и экзаптация экономических институтов // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложение. Материалы международной научной конференции. М.: Изд-во ГУУ, 2009.
8. Вольчик В.В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2.
9. Вольчик В.В., Бережной И.В. Исследование экономической эволюции института власти-собственности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
10. Вольчик В.В., Бережной И.В. Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // TERRA ECONOMICUS. 2009. Т. 7. № 2.
11. Вольчик В.В., Зотова Т.А. Экономическое поведение в контексте эволюции институтов // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 4.
12. Ефимов В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). Т. 2. № 3. 2011.

13. *Ефимов В.М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 3.
14. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
15. *Найт Ф.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
16. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. М.: Институт Гайдара, 2011.
17. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
18. *Норт Д.* Понимание экономических изменений. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
19. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3.
20. *Радченко В.А.* Эффективная идентификация и экономическое развитие: предпосылки парадигмы идентификации // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). Т. 2, № 4. 2010.
21. *Розмаинский И.В.* На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1. № 1. 2003.
22. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2.
23. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS, 1994. Вып. 4. С. 21.
24. *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
25. *Ходжсон Дж.* Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. № 8
26. *Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
27. *Швери Р.* Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.
28. *Anderson G.M., Tollison R.D.* Luddism as cartel enforcement // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1986. № 142. P. 727–738.
29. *Arthur W.B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
30. *Leister C., Chiappin J.R.N.* Bounded and Adaptive Rationality, Decision Processes and Problem Solving in H.A. Simon // COGNITIO-ESTUDOS: Revista Eletronica de Filosofia, Sao Paulo. Vol. 7. No. 1, janeiro - junho, 2010. P. 26–42.
31. *Greif Avner, LaitinSource David D.* A Theory of Endogenous Institutional Change // The American Political Science Review. Vol. 98. No. 4 (Nov., 2004). P. 633–652.
32. *Hodgson G.M.* The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory. Cambridge Journal of Economics. 2003. V. 27.
33. *Kaufman B.E.* The organization of economic activity: insights from the institutional theory of John R. Commons // Journal of Economic Behavior & Organization. Vol. 52 (2003) 79.
34. *Olson M.Jr.* The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. Vol. 85. № 2. Papers and Proceedings of the Hundredth and Seventh Annual Meeting of the American Economic Association Washington, DC, January 6–8, 1995.
35. *Robert B. Ekelund Jr., Robert F. Hébert.* Interest-group analysis in economic history and the history of economic thought // Public Choice (2010) 142. P. 471–480.
36. *Simon H.A.* Altruism and Economics (in The Economics of Altruism) // American Economic Review. 1993. V. 83. № 2. Papers and Proceedings of the Hundred and Fifth Annual Meeting of the American Economic Association.
37. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science 27 September 1974: Vol. 185. No. 4157, P. 1124–1131.
38. *Witt U.* Evolutionary concepts in economics // Eastern Economic Journal. 1992. Vol. 18. No. 4. P. 406.